

Одним из самых больших открытий Всесоюзного фестиваля молодежных спектаклей в Тбилиси критики и зрители назвали спектакль Государственного театра кукол ЭССР «Вундербеби». На VII фестивале кукольных театров Прибалтики и Белоруссии лучшим был признан спектакль нашего театра «Сон в летнюю ночь».

Шекспир в театре кукол — согласитесь, непривычно для слуха. А в афише театра два шекспировских спектакля — кроме «Сна», еще и «Ромео и Джульетта». И сейчас главный режиссер театра народный артист ЭССР Рейн Агур работает над третьим — «Укрощение строптивой».

ЛЮДИ И КУКЛЫ

— Зрители принимают ваши шекспировские спектакли полностью. А как вы сами видите этот путь?

— Мы приближаемся к Шекспиру. Через ошибки. Догадки. Удачи. Теперь, спустя несколько лет, я вижу, что ошибался в «Ромео». Я не отказываюсь от своего спектакля, по-прежнему люблю его, но вижу, что ошибся. И меня, и актеров увлекла идея прочтения бессмертной этой трагедии — как мифа. Ничто и никто не исчезает на Земле. И ушедшие поколения незримо живут среди нас, их жизнь и ошибки оказывают влияние на нашу жизнь. То, что мы видим как цепь событий, на самом деле соединено не только логикой поступков, рожденных под влиянием импульса, но и чередой предыдущих, давно минувших лет. Трагедию Ромео и Джульетты мы видели не только в том, что они пали жертвой двух враждующих родов, но и в том, что их гибель была как бы запрограммирована враждой предыдущих поколений. Их вела судьба — так мы прочли пьесу, иначе в ней много необъяснимых неясностей, нелогичности.

Мы хотели вычленив эту мысль, сделать ее ярко читаемой, поэтому отказались от уличных сцен трагедии. И — ошиблись, потому что у Шекспира лишнего нет, и если жизненную плоть событий принести в жертву идее, то результат получается обедненный. Так и у нас. Наши «Ромео и Джульетта» слишком похожи на сказку. Это я сейчас пони-

маю, пройдя через работу над другими шекспировскими пьесами.

— Ошибка для режиссера — тоже школа?

— Может быть, даже более эффективная, чем удача, если, конечно, из этой ошибки делаешь выводы.

— Какие?

— Практические.

— «Сон в летнюю ночь» переполнен жизненной силой, стихией игры, молодости. Критика, прекрасно принявшая спектакль, говорила о том, что вы не просто сумели точно воплотить на сцене эффект «ситуации ошибки», характерной для драматургии Шекспира, но усугубили его перекидкой функций от живых актеров к куклам и обратно.

— Критикам виднее. Для меня же самым важным было другое. В этой пьесе у всех действующих лиц есть свое максимальное желание, и каждый хочет, чтобы оно исполнилось в максимально короткие сроки. Оберон хочет проучить Титанию, Деметрий — добиться благосклонности Гермия, Гермия — завоевать Лиандре, Елена — не уступить Деметрию, Пэк — как следует посмеяться над кутерьмой, актеры — сыграть свою пьесу и так далее. И именно в силу того, что каждый озабочен только своим, и рождается вся прелесть неразбериха. Максимум в треволнениях обязательно порождает узорчатость взгляда — вот от какой мысли мы отталкивались. И, хотя задачи актерам давались абсолютно бытовые,

спектакль получился не бытовым, многоплановый, и критика в нем даже мудрость обнаружила. Это шекспировская мудрость — он маг театра.

— А в «Укрощении строптивой» вы какую задачу решаете?

— Я от своих штампов избавиться хочу. Ведь штампы у любого творческого человека появляются со временем: и у писателя, и у актера, и у режиссера. И я вижу, что подход стал слишком текстовым, я слишком нажимаю на актерское слово. Я уже знаю, что мой конек — это образность через слово, музыку, свет. И понимаю, что сегодня для кукольного театра этого мало. Нужно прибавить актерскую пантомиму и пантомиму кукол. Этот момент еще найти надо. Но для того, чтобы найти, нужно искать, ведь так?

— В чем же вы видите свою отсталость, ведь ваш театр сейчас считается одним из самых интересных и многообещающих в стране. Вас все хвалят, и, честно говоря, хвалят справедливо, вы действительно работаете очень интересно, с полной отдачей, несмотря на то, что условия для работы далеко не блестящие, даже репетиционного зала нет...

— Для меня быть отсталым — значит не замечать нового. Знаете, я сейчас много видел разных студенческих театров, и это очень освежающе на меня подействовало. Студенты — народ, который умеет думать, думать честно. С ними я столкнулся в ра-

боте — мне предложили заниматься с курсом будущих культпросветработников, чтобы познакомить их с основами кукольного театра. Я — практик, не педагог, и идти в педагогический институт не хотел. Но все-таки согласился попробовать. И не жалею. С ними, оказывается, очень интересно размышлять, искать идею, разрабатывать ее материально. От них я получаю новый заряд, новый ракурс взгляда на мир.

Куклы вообще людям сейчас многое открывают, не зря везде есть не только профессионалы, но и энтузиасты, занимающиеся с куклами.

— А вы сами как к ним пришли?

— Случайно. Знакомые сказали, что Михаил Михайлович Королев, тогдашний главный режиссер Ленинградского Большого театра кукол, набирает первый курс в институт. А Королев был человеком в нашем деле легендарным. Абсолютно честный. Великолепный режиссер. С отвратительным характером, от которого сам страдал немало. Если бы он был хоть немного дипломатом, может, и успел бы побольше сделать. Но он и так успел очень много.

— Вы от него научились такому чрезвычайно взыскательному отношению прежде всего к себе?

— Я у него — по закону противоположности — научился не тратить нервы по пустякам, беречь их для бо-

лее важных дел, хоть и не всегда это удается.

Я у него работе учился. Как он творил! Он на деле показывал, что значит размышлять в кукольном театре.

— А что это значит?

— Значит — поставить свое видение и жизненные факты в логическую связь. Честно и жестко. И не только в творчестве, но и в жизни.

— Для вас на первом месте в творчестве логика?

— Анализ. Жесткий анализ, иначе — богема в худшем смысле этого слова, неорганизованность, болтовня. Ненавижу разболтанность, для меня худший человек — это тот, на чье слово нельзя положиться.

— А интуиция?

— Что — интуиция? Без нее творчества не существует. Но я не верю людям, которые говорят, что начинают работу, полагаясь только на интуицию, даже не предполагая, какой результат может получиться. Можно не знать, получить или не получить, но не знать, к чему стремиться... Я и от актеров хочу, чтобы они размышляли со мной. Конечно, театр есть таинство, но для меня на первом месте — анализ, иначе и таинства не возникнет. Интуиция только на фундаменте из жизненных наблюдений приносит свои плоды.

Да и нельзя в кукольном театре работать, если у тебя нет почти готового плана. К моменту начала репетиций с актерами должны быть уже нарисованы куклы. Мизан-

сцены — тоже. Мастерские работают параллельно с репетициями, готовят кукол — иначе спектакли не будет.

— А бывает так, что нам помогает кукла?

— Конечно. Хорошие куклы много знают о своих артистах. И о режиссерах, конечно, тоже. Есть актеры и куклы, у которых полный взаимный контакт, а бывает и так, что, ну, никак они контакта найти не могут. Старая кукла, которая много раз играла на сцене, знает очень много о спектакле. Испуганная кукла умнее, чем познавая.

Мы говорим: обаятельная кукла, необаятельная кукла. Что это значит? Не внешняя красота здесь роль играет, а те ситуации, в которых они существуют, как они себя в них ведут, какие слова произносят. У них все, как у людей.

Кукла — это широкое понятие. Она может иметь прототипом какого-то конкретного человека, может быть символом какого-то состояния, образом какого-то понятия. А если образ — то и поэзия. А поэзия — это когда о состоянии человеческой души идет речь. А состояние человеческой души — этим и занимается все искусство.

В том числе и кукольный театр, в котором куклы помогают людям узнать самих себя.

..Сезон в кукольном театре закончился. Но работа продолжается. Репетируются новые спектакли. Показываются вне всякого плана старые, если приезжает группа детей или взрослых, которые очень стремятся понаблюдать именно в кукольный театр.

А главный режиссер театра Рейн Агур одновременно готовится к гастролям в Москве, куда театр приглашен впервые в своей истории, и к постановкам спектаклей у себя дома, в Ленинграде, в финском городе Турку.

Он человек обязательный. И все сделает хорошо.

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.

На снимках: сцены из спектаклей Рейна Агура «Ромео и Джульетта» (вверху) и «Сон в летнюю ночь».

Фото Тийта Коха и Анн Тенно.